

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.9>

UDC 81:340.113.1
LBC 81.055.51.3

Submitted: 06.01.2021
Accepted: 09.02.2021

LEGAL LANGUAGE: THE PROBLEM STATEMENT

Roman G. Melnichenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: based on the works in the field of legal technology, philology and linguistics, the paper demonstrates the social dichotomy in which, on the one hand, the importance of a special verbal form of presenting regulatory prescriptions is recognized, and on the other hand, the constant defamation, the marginalization of such a phenomenon as a “special speech of lawyers”. The **task** is to present the arguments to the thesis about the existence of a special legal language. **Methods:** the methodological framework for the study is a combination of the following methods of scientific knowledge: the hermeneutical method, the method of consistency and the method of analysis. **Results:** the author proposes to identify a special semiotic system – legal language. **Conclusions:** legal language is a special communication, thought-forming and segregation system of signs. The concepts of “legal language” and “state language” are synonymous. Each developed branch of law has its own legal dialect.

Key words: language, legal language, dialect, legal dialects, state language.

Citation. Melnichenko R.G. Legal Language: The Problem Statement. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 62-67. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.9>

УДК 81:340.113.1
ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 06.01.2021
Дата принятия статьи: 09.02.2021

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЯЗЫК: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Роман Григорьевич Мельниченко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение. На основе работ в области юридической техники, филологии и лингвистики в статье демонстрируется социальная дихотомия, в которой признается, с одной стороны, важность особой словесной формы изложения нормативных предписаний, а с другой – постоянная диффамация, маргинализация такого феномена, как «особая речь юристов». В качестве **задачи** взято представление аргументов к тезису о наличии особого юридического языка. **Методы:** методологическую основу исследования составляет совокупность следующих методов научного познания: герменевтический метод, метод системности и метод анализа. **Результаты:** автором предлагается выделить особую семиотическую систему – юридический язык. **Выводы:** юридический язык – это особая коммуникационная, мыслеобразующая и сегрегационная система знаков. Понятия «юридический язык» и «государственный язык» являются синонимами. Каждой развитой отрасли права соответствует свой юридический говор.

Ключевые слова: язык, юридический язык, говор, юридические говоры, государственный язык.

Цитирование. Мельниченко Р. Г. Юридический язык: постановка проблемы // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 62–67. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.9>

Введение

Война за власть, как говорил Мишель Фуко, – это борьба за доминирование между дискурсами, в качестве которых выступают различные виды речей. Арена борьбы, о ко-

торой пойдет речь в настоящей статье, – это государственный язык Российской Федерации. Сразу же определимся с сегодняшним победителем в этой войне – это русский литературный язык. Согласно ст. 1 ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»,

«порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации определяется Правительством Российской Федерации» [11]. Но наличие победителя еще не свидетельствует о том, что так будет оставаться всегда, или о том, что на периферии социального внимания не существует других языков, которые претендуют если не на доминирование, то хотя бы на признание.

Функции языка

Язык – это полифункциональное явление. Мы можем выделить в языке как минимум три функции: коммуникативную, мыслительную и сегрегационную.

Основная, лежащая на поверхности функция языка – *коммуникативная*, которая заключается в передаче информации от одного индивида другому. В контексте права это проявляется в информационной его функции. Посредством права до членов социума доводятся требования нормативных предписаний (в традиции позитивизма). Например, такой правовой институт, как промульгация, прямо свидетельствует о коммуникативной функции права, так как описывает требование и одновременно порядок доведения до сведения членов социума правовых предписаний.

Вторая функция языка – *мыслеобразующая*. Исследователь литературы М.М. Бахтин указывал, что «каждый момент произведения дан нам в реакции автора на него, которая объемлет собою как предмет, так и реакцию героя на него» [1, с. 9]. Идеи М.М. Бахтина дали возможность как отечественным, так и зарубежным авторам предположить, что мышление и есть интериоризованная речь. «Таким образом, в рамках концепции М.М. Бахтина о взаимодействии автора и героя произведения интериоризованный дискурс может рассматриваться как созданная автором модель внутренней речи героя. Внутренняя речь описывается и моделируется автором произведения через процесс экстериоризации» [7, с. 106]. Здесь можно сформулировать следующий тезис: «Как мы говорим, так мы и думаем».

Опираясь на работы Р. Иеринга, который, исследуя такое явление, как «юридическая конструкция», указывал, что она, будучи особым приемом логического построения правового материала, отражает специфику юридического мышления, в юридическом дискурсе мы так же можем предположить, что юридическое мышление возможно исключительно в случае наличия такого явления, как юридическая речь, то есть юрист – это человек, говорящий на особом языке и потому имеющий особое мышление.

Третий функционал речи – *сегрегация*, то есть распределение, а затем маркирование людей по социальным группам. Основной маркер отнесения человека к какой-либо страте – это его речь. Является ли сообщество юристов стратой? Да, у юристов есть свой лексикон, свои глоссы, свой «язык». На эту функцию языка в контексте настоящей статьи указывают множество авторов, например Т.Д. Четвериковой: «...юристы, будучи в большинстве своем грамотными людьми, сознательно употребляют рассматриваемое слово с нарушением акцентологической нормы, дабы выявить “своего” в среде “чужих”, где “свои” – юристы, а “чужие” – неюристы, и в зависимости от окружения выстроить свою речевую тактику, предполагающую, в частности, решение вопроса о том, следует ли разъяснять некоторые термины или в этом нет необходимости» [10, с. 88]. Об этом же пишет и Л.П. Крысин: «По такого рода особенностям словоупотребления профессионал легко опознает своего, собрата по профессии и, с другой стороны, безошибочно определяет речь “чужака”, не владеющего профессиональными навыками использования слова» [5, с. 71].

Налицо конфликт между двумя функциями языка: коммуникативной и сегрегационной. С одной стороны, юридические предписания должны быть понятны широкому кругу лиц, с другой – язык властных предписаний должен «обслуживаться» профессионалами, образующими особую социальную страту – юристов.

Юридический язык

Выдвинем гипотезу о наличии юридического языка как особой коммуникативной, мыслеобразующей и сегрегационной системы

знаков. Для этого определимся с теми признаками, которые дают нам основание к идентификации особого юридического языка, юридической речи.

Юридический лексикон. Наличие особого юридического лексикона, который используется юристами в своей речи, не требует особых доказательств, достаточно взглянуть на начало какого-либо нормативно-правового акта, чтобы обнаружить там целый глоссарий юридических терминов. Конечно, в юридический язык включен и лексикон русского языка, что не отрицает наличие первого, как наличие иностранных слов в русском языке не отрицает наличие русского.

В свою очередь, юридический лексикон можно разделить на две части:

1) оригинальный юридический лексикон, который содержит слова, исключительно или преимущественно использующиеся в юридическом дискурсе: «сервитут», «парафирование», «пролонгация» и т. п. Вы не услышите данные слова в «обычной речи»;

2) смешанный юридический лексикон, когда в юридическом дискурсе слова или словосочетания приобретают особую строгую сему (значение), отличную от обычного значения. Например, слово «дорожка» в обычном языке понимается как маленькая дорога, а в юридическом языке – как административное или уголовное дело вследствие дорожно-транспортного происшествия. Со способами образования иных семантических значений в профессиональных дискурсах можно ознакомиться в работе М.Л. Давыдовой и Н.Ю. Филимоновой [4].

В лингвистическом дискурсе юридический лексикон относится к кластеру явлений, обозначаемых словом «профессионализмы» [8, с. 105–106]. Даже беглое исследование языкового юридического поля дает нам богатый эмпирический материал смешанного юридического лексикона, например глагол «претца» и производные «преем», «отпрелись», которые отражают такое юридическое действие, как выступать с прениями на заключительной части судебного заседания.

Неслучайно неюристы называют порой речь юристов «птичьим языком», ведь юристы говорят вроде как на русском, но на совершенно непонятном языке.

Юридическое языковое конструирование заключается в особой манере конструировать из слов более обширные языковые конструкции – словосочетания, предложения. Особо ярко такое конструирование проступает в случае сравнения этой манеры с «классической манерой построения языковых конструкций». Например, юридическая конструкция «причиняются последствия» с позиции «строгого языка» неверна, так как верно будет «наступают последствия» [6, с. 105–106].

Если ввести в компьютерную программу по проверке орфографии и пунктуации любой нормативно-правовой акт, то можно получить целую россыпь цветового выделения ошибок в данном тексте. При этом причиной этого будет не безграмотность законодателя, а требование особых правил юридического языка.

Юридическое закрепление юридического языка. Юридический статус языка закреплен в Конституции РФ и ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Согласно ст. 68 Конституции РФ, «государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык». В соответствии со ст. 1 Закона под понятием «русский язык» понимается «современный русский литературный язык». Совершенно очевидна абсурдность данного смешения. Литературный язык – это особый общеупотребительный стиль языка, и в государственном управлении этот язык не используется. Предположим, что именно посредством юридического языка происходит государственное управление, а значит, юридический язык и является синонимом языка государственного.

Оговоримся, что в научном дискурсе такая дефиниция, как «юридический язык», пока не легализована. Максимум, что допускают специалисты в данной научной сфере, – это признание (и то не всеми) наличия юридического жаргона. Об этом в своих работах пишут, например, Н.А. Власенко [2] и В.Ю. Туранин [9].

Виды отраслевых юридических говоров

Доказательства бытия юридического языка закономерно приводят нас к необходи-

мости дальнейшей его классификации, то есть допущения наличия в юридическом языке отдельных говоров. В данном случае под говором мы понимаем разновидность юридического языка по аналогии с говорами в лингвистике – местной разновидностью территориального, областного диалекта. Однако здесь в основание классификации мы положим не территориальный, а отраслевой признак, то есть каждой отрасли права соответствует свой юридический говор.

Лексикон говора. Наличие конституционного, уголовного, гражданско-правового и иных юридических говоров легко обосновать наличием особенного для каждой отрасли лексикона. Ведь каждый нормативно-правовой акт отрасли является толковым словарем именно этого юридического говора. Мы можем найти очень развернутые определения таких слов, как «Государственная дума», «кража», «сделка» и т. п. Помимо слов, закрепленных законодательно, существуют слова юридических говоров, функционирующие в устной речи, например «кассашка» – кассационная жалоба, «засилить» – оставить приговор в силе в апелляционной или кассационной инстанции и т. п.

О наличии юридических говоров говорит и тот факт, что одно и то же слово в различных юридических говорах имеет различное семантическое значение. Например, согласно ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ под понятием «близкие родственники» понимаются: супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки, а согласно ст. 14 Семейного кодекса, «близкие родственники» – это родственники по прямой восходящей и нисходящей линиям (родители и дети, дедушка, бабушка и внуки), полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) братья и сестры. То есть в уголовно-процессуальном юридическом говоре супруг – это близкий родственник, а в семейном – нет.

Говор юридических говоров – это особая манера произношения в отдельных юридических говорах. Помимо отличий в лексиконе, юридические говоры отличаются и произношением. Некоторые исследователи идентифицируют говор как обыкновенную ошибку, вводя антиномию «литературный язык» и

«сниженная лексика»: например, рассматривают произношение слова «осУжденный» как «просто типичную для профессионального юридического языка ошибку» [3, с. 211]. Однако мы не были бы так категоричны, относя юридические говоры к ошибкам, так как видим в них огромный функциональный потенциал. Определимся с признаками говора в понимании манеры произношения в отдельных юридических стратах.

Форма существования говора – это устная речь, в отличие от юридического лексикона, который преимущественно закрепляется в формально-определенной знаковой системе. Конечно, мы можем обозначить говор и в письменной речи, для этого служат интонационные знаки, но это высушенный, безжизненный говор.

Место жительства говора – это коммуникационные площадки. Лингвисты до сих пор определяют локацию говора буквально физическим местом: край, город, хутор. Но это уже далеко не точно. Место может быть и виртуальным. То есть это сфера общения, где происходят разговоры на определенные, в нашем случае профессиональные темы: чат в сети Интернет, место для курения около здания суда и т. п.

Интонационное конструирование говора. Говор идентифицируется интонационно. Интонация – довольно сложное явление, сложное из следующих параметров:

- темп (быстро – медленно);
- тон (высоко – низко);
- громкость (тихо – громко).

Как правило, говор идентифицируется посредством ударения, которое русскоязычными слышится как модулирование экспираторного элемента (громкость) и количественного (замедление). Например, в слове «осУжденный» представители юридического говора букву «у» произносят более громко (экспираторно) и более продолжительно (количественно).

Один единственный юридический говор. Учитывая вышеизложенное, в юридической среде мы можем идентифицировать наличие говора лишь в одном сегменте. Представители этой страты связаны с уголовно-процессуальным правом. Существует три слова этого уголовно-юридического говора: «возбУждено», «осУждено», «Эксперт». Почему

так происходит? Эти люди своим говором отмечают, что у них есть своя социальная стра-та. Они специально, умышленно нарушают правила русского языка.

Полевые испытания по идентификации юридического говора.

В рамках научного исследования нами были проведены полевые испытания, условия которых были следующие:

– субъекты – адвокаты, специализирующиеся на ведении уголовных дел;

– локация – коммуникационный профессиональные площадки в социальных сетях «Повышение квалификации адвокатов».

В Сети был размещен блог следующего содержания: «Уважаемые адвокаты! Где вы ставите ударение в словах: “возбуждено”, “осужден” и “эксперт”? Ваши комментарии очень помогут нам в исследовании юридических говоров».

В основном адвокаты транслировали словарное ударение, указывая, что только так говорят приличные люди: «С точки зрения акцентологической нормы русского языка? Орфоэпический словарь никто пока не отменил, зачем это обсуждать?»

В ходе обсуждения были зафиксированы и другие слова юридического говора: «приговор», «Исковое заявление», «ходатайство», «ходательство».

Были обнаружены рефлексия такого явления, как юридический говор, и использование этих знаний, например, в качестве развлечения: «Я над судьями издеваюсь. Пишу в документах “осуждённый”, “возбуждённое дело». Когда они оглашают эти документы, часто сбиваются)))).»

Были выявлены рефлексивные подстройки под юридический говор: «Когда перешла на уголовные дела из гражданских сначала говорила с ударением на последний слог. Но все вокруг: прокурор, следователи и судьи говорили осУжден, возбУждено. Теперь я как хамелеон – тоже говорю осУжден. Иначе всем остальным в процессе режет ухо». К подобным наблюдениям можно отнести и следующее: «Когда работал в милиции говорил возб́уждено, э́ксперт, а сейчас говорю как все)))))» или «ВозбужденО, осуждён, экспЕрт. Думаю, меня не затронуло неправильно произношение, потому что я не так долго работаю».

Рефлексируя несловарное ударение, честь юристов относят это к такому явлению, как профессиональная деформация: «ВозбУждено, осУжден, экспЕрт. Я знаю, что первые два слова неверны, но, простите, профдеформация».

Были выделены не только внутрикорпоративные, но и поколенческие аспекты, проявляющиеся в говоре: «Забавно звучит употребление этих слов именно у “старшего” поколения “специалистов”. Моя бабушка адвокат и она именно так говорит, как я написала выше. Ей 83) из них 30 лет следователь по особо важным. Этот “Диалект” уже не “выбить”))) да и вреда от него нет)))».

Интересно наблюдение по поводу наличия говора в других славянских языках: «ВозбужденО, осуждЕн, экспЕрт. Но в Беларуси среди коллег более распространены возбУждено, осУжден, Эксперт».

Некоторые респонденты говорили и о функционале юридического говора: «У одной коллеги был перл: “Не вижу обходимости”. <...> А вообще это сигнальная система определенного менталитета: “ВозбУждено” – свои! Проходи! Если что, слэнгом никогда не пользовалась и в “свои” не стремилась».

Результаты

Описан такой феномен, как «юридический язык», представлен конфликт между русским литературным языком и юридическим русским языком на уровне функционала. Обосновано существование в рамках юридического языка особых юридических говоров.

Заключение

Юридический язык – это особая коммуникационная, мыслеобразующая и сегрегационная система знаков. Понятия «юридический язык» и «государственный язык» являются синонимами. Каждой развитой отрасли права соответствует свой юридический говор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986.
2. Власенко, Н. А. Жаргоны в праве: пределы и техника использования / Н. А. Власенко // Про-

блемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород : [б. и.], 2000. – С. 264–270.

3. Давыдова, М. Л. Место юридических конструкций в системе технико-юридических средств / М. Л. Давыдова // Юридическая техника. – 2013. – № 7-2.

4. Давыдова, М. Л. Профессиональный юридический жаргон: проблема определения границ понятия / М. Л. Давыдова, Н. Ю. Филимонова // Юрислингвистика. – 2013. – № 2 (13). – С. 16–23.

5. Крысин, Л. П. Часть I. Социальная дифференциация системы современного русского языка / Л. П. Крысин // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Яз. слав. культуры, 2003. С. 33–100.

6. Недоступова, Л. В. Современный диалект как форма коммуникации / Л. В. Недоступова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2016. – № 2 (21).

7. Погребняк, Ю. В. Взаимодействие автора и персонажа в интериоризованном дискурсе / Ю. В. Погребняк // Вестник ИГЛУ. – 2011. – № 1 (13).

8. Сердобинцева, Е. Н. Проблема профессионализма в современной лексикографии / Е. Н. Сердобинцева // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2008. – № 4.

9. Туранин, В. Ю. Юридический жаргон: понятие, примеры, оценка / В. Ю. Туранин // Юрислингвистика-11 : Право как дискурс, текст и слово : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева, К. И. Бринева. – Кемерово : [б. и.], 2011.

10. Четверикова, Т. Д. «Тело возбуждено, а дело возбуждено»? / Т. Д. Четверикова // Русская речь. – 2020. – № 6.

11. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – 6 июня (№ 23). – Ст. 2199.

REFERENCES

1. Bahtin M.M. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow, Art, 1986.

2. Vlasenko N.A. Jargons in Law: Limits and Technique of Use. Baranov V.M., ed. *Legal technology problems*. N. Novgorod, 2000, pp. 264-270.

3. Davydova M.L. The place of legal structures in the system of technical legal means. *Legal technique*, 2013, no. 7-2.

4. Davydova M.L., Filimonova N.Yu. Professional legal jargon: the problem of defining the boundaries of a concept. *Legal linguistics*, 2013, no. 2 (13), pp. 16-23.

5. Krysin L.P. Chast' I. Social differentiation of the system of the modern Russian language. Krysin L.P., ed. *Modern Russian language. Social and functional differentiation*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2003, pp. 33-100.

6. Nedostupova L.V. Modern dialect as a form of communication. *Actual problems of modern philology and journalism*, 2016, no. 2 (21).

7. Pogrebnyak Yu.V. Interaction between author and character in internalized discourse. *Bulletin IGLU*, 2011, no. 1 (13).

8. Serdobinceva E.N. The problem of professionalism in modern lexicography. *Izvestiya VUZov. Volga region. Humanitarian sciences*, 2008, no. 4.

9. Turanin V.Yu. Legal jargon: concept, examples, assessment. Golev N.D., Brinev K.I., ed. *Jurislingvistika-11: Law as discourse, text and word: Interuniversity collection of scientific papers*. Kemerovo, 2011.

10. Cetverikova T.D. "The body is agitated, but the case is agitated"? *Russian speech*, 2020, no. 6.

11. Federal Law of June 1, 2005 no. 53-FZ "On the State Language of the Russian Federation". *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2005, June 6 (no. 23), Art. 2199.

Information About the Author

Roman G. Melnichenko, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, romanmelnichenko@yandex.ru, melnichenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2496-1511>

Информация об авторе

Роман Григорьевич Мельниченко, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник института права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, romanmelnichenko@yandex.ru, melnichenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2496-1511>